

Владимир Бояринов

БЕЗДОЛЬНЫЙ СТИХ

ЯБЛОКО

Шёл мужичок по осеннему саду,
Выбрал себе наливное в награду,
Дланью крестьянской
со скрипом протёр,
Пал на колени и руки простёр:

«Мать моя родина, как ты прекрасна!
Благоговею, люблю тебя страстно!
Сад плодоносит. И жизнь удалась.
Яблочко вызрело. Съем его всласть».

Вдруг под ногами земля задрожала.
Гром громыхнул. Заскрипело кружало.
Рыло свиное возникло в саду,
Яблоко перехватив на ходу.

И на мужичье: «Да что это было?...» –
Из ниоткуда прорезалось рыло
И возвестило, клыки оголив:
«Яблоко было. Белый налив».

УЛЫБКА

Сердце зашлось, суматошно забилося,
Захолонуло вконец,
Взмывло над пропастью,
остановилось...
В полночь приснился отец.

Будто и не было вовсе погоста,
Не поминали навзрыд –
В полночь приснился: кедрового роста
Златом загара покрыт.

Я подхожу, он как будто не видит –
Обережённый судьбой,
Батя кровинку свою не обидит,
Не уведёт за собой.

Он улыбается! Проблеск улыбки
Ищет на ощупь ответ –
И на прозрения, и на ошибки
Льётся лазоревый свет.

Может быть, может быть,
светом оттуда

Мир изначально спасён?
Может быть, это и вовсе не чудо,
Может быть, вовсе не сон?

ТРОПАРЬ

На полигоне ревущих страстей,
Фосфоресцирующих скоростей,
В клочья разорванных нервов и жил,
Господи правый, разве я жил?
Разве грибниц водородных извне
Счастье в грядущем не грезилося мне;

Разве снаружи – из чёрной дыры
 Не приходили страдальцу дары;
 Разве я, неблагодарная тварь,
 Не унаследовал звёздный тропарь;
 Разве в обиде на скудость свою
 «Господи, слава тебе» – не пою?

СЕМИПАЛАТИНСК–МОСКВА

Мы, рождённые на зоне,
 Пели даже на цепи,
 На секретном полигоне
 В термоядерной степи.

За мотив меня народный
 Не казни и не карай.
 Нас на бомбе водородной
 Запустить пытались в рай.

Трио двигателей взвыло,
 Взмыло судно из огня.
 ...За мгновение до взрыва
 Бог помиловал меня.

И звонок раздался свыше
 Явно не по кумовству:
 «Ваши позывные вирши
 Распотешили Москву».

И за то, что не бездарен,
 По столице с вещмешком
 Я прошелся, как Гагарин, –
 С растрепавшимся шнурком.

Руку жали: «Вот Вам ксива.
 Вот Вам пива полведра».
 Я прозрел: Москва красива,
 Но язвительно добра.

Ангелы небесной рати,
 Мы дрались как петухи,
 Получая из печати
 Оскоплённые стихи.

Грянул гром при ясном небе!
 Посмотрите на Москву:
 Смертным боем бьётся в гнев
 С тараканами в мозгу!

Заводное было время.
 А теперь уже само
 Поэтическое племя
 Скипетром оскоплено.

Если молния не срубит –
 Сам не сверзнусь я с моста.
 Я люблю Москву. Но любит,
 Любит ли меня Москва?

Любит стих мой благородный,
 Как люблю я этот край?
 Нас на бомбе водородной
 Не отправит завтра в рай?

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Седеющий увалень бурый,
 Способный всю зиму говеть,
 Укроется собственной шкурой
 И спит беспробудно медведь.

А нынче: весна на пороге
 В цветах несказанной красоты!
 Медведь разоспался в берлоге,
 Не слышит раскатов грозы.

Всё слаще и всё безответней
 Поёт соловей до зари.
 И дуб зеленеет столетний,
 И тихо гниёт изнутри.

Обрушится дерево вскоре,
 Уже не проснётся медведь...

Природе и горе не в горе,
 Природе постыдно вдоветь.

* * *

Пошёл я на Красную площадь,
 Дедок предо мною возник.
 «Ты – лошадь! –
 он крикнул. –
 Ты – лошадь!»
 Молчи, сумасшедший старик!

Пошёл я на Красную площадь.
Мне крикнули трое в упор:
«Ты – лошадь!

Ты – лошадь!

Ты – лошадь!»

Да это же сущий террор!

Когда я на Красную площадь
Ступил на десятке седьмом
И все закричали: «Ты – лошадь!» –
Я молча пошёл за седлом.

ПОДОБНО БОГУ

Г. В. Рожкову

Человек родился магом,
Потому что не был Богом
И не цвёл, подобно макам;
Не владел небесным слогом.

Чувствуешь – с какою болью
Лёгкость вещая даётся,
Осенённое любовью
Слово плачет и смеётся?

Посмотри – с какого боку
Сказанное выйдет складно –
И твори, подобно Богу,
По любви и безоглядно!

ПАДЕНИЕ

«Цунами, братцы!» – боцман у руля –
Бац! – и засёк падение рубля.

«Вах! – восхитился вахтенный матрос. –
Целковый цел!

А доллар вновь возрос!»

Стрёб лоцманские карты корабел
И мачты порубил у каравелл.

А карму прикормили на корме –
В кармане кукиш и дыра в суме.

«Эгей! – сказали три богатыря. –
Заказан путь в Эгейские моря».

«У нас туда билеты на апрель!» –
Воскликнули мокрицы и макрель.

«Порубим, если не спасёшь рубля!» –
Взыскали с капитана корабля:

По румбу West, – взмолился капитан, –
Исчез рублёвой масти капитал!»

«Но там по-мариански глубоко!» –
Возговорил загубленный Садко.

Пажи пропажи – курсом биржевым
Спешим на помощь мёртвым и живым.

Мы с бреднем –
вслед за призрачным рублём –
На дно уходим вместе с кораблём!

Молчи, молчи, утопленник, о сём!
Прощай, Россия! Мы тебя спасём!

ОПАЗДЫВАЯ НА ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР «НЕДЕЛИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ШАНХАЙ–2017»

Профессору Чжэн Тиу

Нельзя, нельзя опаздывать на вечер!
И нечем крыть, и оправдаться нечем...
Какой позор и превеликий стыд!
Поэзия нам это не простит.

И нет такси... Да это ли не подло?
И пробки, брат...

Мы вскакиваем в сёдла.

Per aspera... И шашки – наголо!
И вот уже поехало-пошло:

Я мчусь по Центру на велосипеде!
Со мной Чжэн Тиу, две китайских леди,
Фланг прикрывает славный паренёк,
Который оседлать коней помог.

Летим по Центру, по проезжей части;
Мы – в преисподней,
мы – в драконьей пасти,
И жар, и рёв исходят изнутри!
Нам остаётся километра три...

Мы вырвались живыми из утробы,
Нас стиснули клыками небоскрёбы,
В глазах фосфоресцируют огни...
Чжэн Тиу раззадорился: «Гони!»

Оговорюсь: езда идёт лихая
По Центру современного Шанхая.
Я жму на тормоза! И наконец
Велосипед въезжает во дворец.

Мы не вошли –
мы в этот зал вбежали,
И грянули рукоплесканья в зале!
Нас Музы вознесли на пьедестал,
Где каждый откровеньями блистал.

С тех пор во мне звучит, не затихая,
Победная симфония Шанхая.
Мы все не вечны...

Вспомнится в конце
И проблеснёт искринка на лице:

Мчусь по Шанхаю на велосипеде!
Со мной Чжэн Тиу,
две китайских леди...

НА БЕРЕНДЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Достала суета сует,
Где виражи свистят ужами,
Где люди на зелёный свет
Летят вослед за миражами.

Ополоумевший народ
Заводится с пол-оборота,
Ждёт чудодейственных щедрот
И вызволения из болота.

А я забойный паренёк –
Семидесяти лет от роду! –

А я привстану на пенёк,
А я прочту стихи народу.

Воскликнут чайки на реке,
Загомонят медвежьи дети:

«На берендейском языке
Ты пишешь лучше всех на свете.
Да сгинет суета сует!
Да канут миражи в болото!
Прими ромашковый букет
От берендейского народа!»

ПАДАЮТ ЗВЁЗДЫ

Падают звёзды.
И не обжигают
Ни седины, ни дрожащих ресниц;
Вести о милости не ожидают,
Перед погибелью падают ниц.

Звёздочка ясная вспыхнула ало
И расточилась вселенская мгла:
В горних кострах на Ивана Купала
Только единственная
не пропала,
Только единственная
обожгла.

НЕЗАБУДКИ

По майскому, по солнечному краю
Иду один, грущу и не ропщу,
Иду и незабудки собираю,
И слово приворотное ищу.

И вот уже на самой кромке поля,
На срезанном безжалостно краю
Я нахожу родимое до боли
И людям незабудки раздаю.

Когда под колокольные погудки
Меня обманет сумасшедший май,
Любимая, ты вспомни незабудки
И никогда меня не забывай.

ИСПЫТАНИЯ

Белит комнату мама.
Белизна потолка
И белее тумана,
И белей молока.

Как под тем небосклоном
Перепёлка поёт.
Как над тем полигоном
Гриб из пекла встаёт.

Это вам не вполсили
Целину поднимать,
Это вам не тротилы, –
Это кузькина мать!

На шальные просторы
Вырывается дрожь.
Прямо к сусликам в норы
Осыпается рожь.

Ключья атомной пены
Суховой поволок.
Осыпаются стены,
И трещит потолок.

Белит комнату мама.
Белизна потолка
И белее тумана,
И белей молока.

Не промолвит ни слова
И не станет корить –
Прослезится и снова
Начинает белить.

– Что ты делаешь, мама?
– Потолочек белю.
– Что ты делаешь, мама?
– Христа ради терплю...

ИНОПЛЕМЁННАЯ СЕСТРА

Сюзане Куглеровой

Друзья мои, я счастлив несказанно –
Во мне звучит мелодия с утра,
И тихо улыбается Сюзана –
Моя иноплемённая сестра.

Превозношу, как рыцарь благородный,
Твой смех и твой характер заводной,
За искренность напевности народной,
Такой словацкой и такой родной!

Тренчианске-Теплице

ЗИМНИЙ ГРОМ

Хорошо в берлоге зверю
Отсыпаться до весны.
Хорошо, что я не верю
В летаргические сны.

Но зачем, назло природе,
Из потусторонней тьмы
Едут черти на подводе –
Гром гремит среди зимы?

Задыхаюсь от восторга:
Мать честная, так и есть –
Это Гоголь мне из морга
Подаёт живую весть!

ЖЕСТ

Громовержец Македонский
На последний призван суд.
Возложили труп на доски
И торжественно несут.

Он теперь за всё в ответе,
Жребию благодаря.
И болтаются, как плети,
Руки мертвого царя.

Жилы мраморно лиловые,
Тленом тронуты персты;
Вывернутые ладони
Убедительно пусты.

Он уже свирепым зверем
Не оскалится, не съест.
И толпа стонет «Верим!» –
Верит в бескорыстный жест.

Да сдались нам эти греки! –
 Греки русским не указ.
 Все как есть
     уйдём навеки,
 Всех на доски кинут нас.

На груди завяжут руки
 Немудрёным узелком,
 Наши руки, наши муки
 Намертво сомкнут замком.

Будто мы с собой кубышку
 Прихватили про запас...

А потом захлопнут крышку
 И добро поманут нас.

ГОСТЬ

Разные бывают гости.
 Входит странник. Взор горит.
 Словно забивает гвозди,
 О насущном говорит.

И хозяин спозаранку
 Добрых не жалеет слов,
 Нараспашку, наизнанку
 Душу вывернуть готов.

* * *

Вот они: лес и купава,
 Где похоронена мать.
 Глянул –
     и сердце упало!
 Некому сердце поднять.

Долго ли будет пылиться?
 Долго ли будет пылать?
 Долго ли будет томиться:
 Где похоронена мать?

Вот они: лес и купава,
 Вот и сосновая рать.
 Где моё сердце упало –
 Там похоронена мать.

ВОРОНА

Раннее утро. С верхушки фронтона,
 Крыльями хлопнув, взлетела ворона;
 Ловко нырнула в помоечный ларь,
 Выудила заскорузлый сухарь;
 Клюв занесла, звезданула с размаху! –
 Искры посыпались. Больно за птаху –
 Крепче гранита сухарь вековой.
 Но и ворона в ладах с головой:
 Даже и глазом своим не моргнула,
 В лужу насущный кусок окунула.
 Выждала... клюнула раз... и другой –
 Эврика! – и... придавила ногой.

Время зевнёт,
     поперхнётся парсеком...
 Станет ворона, как все, человеком;
 Станет на равных общаться с царём,
 Не попрекая его сухарём.
 Что же я стражду
     и насмерть сражаюсь?
 Что же я всё на царей обижаюсь?

ВЗОРОМ КАСАЯСЬ

Я просыпаюсь от взмаха ресниц
 Сабельно острых – и падаю ниц:
 Сколько в зеницах слепого огня!
 Прочь, сатана! Не гляди на меня.

Я поднимаюсь и падаю ниц:
 Нет у меня боевых колесниц,
 Вырваться чтобы живым из огня.
 Нет боевых колесниц у меня.

Господи правый! Твоих багряниц
 Взором касаясь, я падаю ниц.
 Если не выйду живым из огня –
 Под багряницей отпойте меня.

ВДОВИЦА

Политика-вдовица
 Забыла удавиться –
 Вся маета и срамота
 Под наши лезет ворота.

